

«Я рисую другую судьбу для себя и для вас...»

Зоя Дякина

Кабак

1. Наемник

Банкир да бармен - мародеры,
средневековые пни.
У них на уме серебро,
золотшпко, медь...
Еще не хватало с добычей
мышинной возни -
Что мне до того, сотни раз
встречавшему смерть?

Спасешься, бывало, и снова мой путь
приводит в кабаки.
Подруг мне хватает: здесь кружка,
а дома - кровать.
Не надо при мне рассуждать
о прелестях баб -
Что мне до того, научившемуся убивать?

Когда-то? Зачем мне калякать о том,
что прошло?
А впрочем... Ты юбку поправь
и присядь поскромней.
Когда-то... Тогда я другое знавала
ремесло
И боли не ждал, но она оказалась
сильней.

За этим же самым столом,
за бутылкой вина
Отложенные сигареты сгорели дотла.
От хлопнувшей двери прошаа
ледяная волна.
Она задрожала и руку свою отняла.

А дальше все просто, хоть помнится
словно в бреду,
Мой выбитый зуб и его
подзывающий жест.
Она поднялась и сказала:
«Конечно, иду».
Да что значит - кто? Ты меня
и не помнишь уже?..

Что после - не так интересно.
И ноги прикрой.
Простудилась - мне отвечать.
Так что знай, где края.
Не платя, дуреха. Прошло,
затянулось корой.
На нынешний день все прекрасно,
и рана моя,

Прирженная спиртом,
почти вообще не кровит -
Без жизни, похоже, и кровь
покидает тела.
Тебя со мной нет - это значит,
я неуязвим,
Пока не узнает хоть кто-то о том,
что была.

2. Безумец

Застынешь на миг, в пальцах дрожь
и бессилье, а дальше что?
Который уж раз, как придурок
ты попадаешься
На эти глаза непонятого цвета,
на профиль и
Все то, что читается между словами
и строфами?

Все те же черты, хоть меняются
их обладатель - и
Все те же сердечные спазмы.
Взгляни-ка, не датой ли
Реши подшутить календарь,
этот срыв обеспечив мне

В тех самых местах, где от страсти
спасаются перечной?

Все те же глаза, тот же профиль:
коснись - и обрежешься.
И воздух все тот же: отравленный
или разреженный,
И давит на легкие, словно летишь
в присподнюю.
Не сразу поймешь, что он просто горяч,
как ладонь моя.

В который уж раз голос
внутренний буркнет неласково.
Оттенок цыкуты таятся
на донышке глаз твоих,
И в ночь наступившую,
невыносимую, лунную
Глоток цианида ты можешь отдать
с поцелуем мне.

Мой призрак, мой бред,
ты все прячешься за разговорами,
За тонкими пальцами, челкой -
как будто за стенами.
Как будто мы оба не люди, как будто бы
тенимы...
Но знай: я обучен бороться
с любимыми затворами
И стены ломать - так что выбери,
гостю ли, ворую ли
Сегодня последний глоток цианида
отдашь...

3. Игрок

Страсть - это жизнь, ибо столько же
мне дорога,
Ибо горька, горяча, как июльский ветер.
Страсть, за меня заплатившая
по долгам,
От кабака до другого звездюю светит.

Жизнь - это страсть, ведь никак ее
не сменить.
Не зачинить, коль порвала,
не нашить заплаты.
Жизнь, превратившая в блеф
самого меня,
Требует здесь и сейчас адекватной
платы.

Здесь и сейчас, от красот оторвав глаза,
Молча войти в неположенную клетушку.
Страсть - это жизнь, и она
не шагнет назад.
Жду, когда свет на мгновение
одно потушат.

Жду, когда вдруг заезвается
мо": партнер,
Но не видал никогда я столь
легких пальцев -
И рассыпаюсь, разбрасываюсь броней,
Жесты лоя и на руки
бесстыдно пляясь.

Он отхлебнет из стакана глоток вина,
Тронет огнем и зажжет свою сигарету -
С завистью острой гляди,
как горит она...
Свет погасили, когда я забыл об этом.

В этой на миг воцарившейся темноте
Каждый глоток по чуть-чуть
обнажает тару,
Взгляд обнажает желанье
застывших тел.
Только банальный сигнал
к окончанию ставок

Гонгом звучит в голове - громовой
раскат...

Боли, души, возвращенья к себе -
прошу ли?
Знаешь ли, остановиться нельзя никак.
... Сбрасывай карту, шулер.

4. Завсегдатай

Сколько я тут сижу? Видишь сам -
основной завсегдатай.
Две недели не брился. Нуда,
и одежда не шелк.
Сам и дня не припомню, когда бы
я не был поддадим.
Да, мне нравится здесь. Ты и сам
для чего-то пришел.

Нет, причина не в том, что тут
в долг можно вылакать ящик.
Я вот-вот перейду на второй.
Не тебе осуждать.
Только в этих стенах мир рисуется
мне настоящим,
А за ними - искусственный воздух,
гнилая вода.

А за ними - как будто светильник
навечно потушен.
Там одна темнота. Там бушует
неистовый вал.
Мы миры создаем в этой грязной
дрянной комнатухе.
Мы рисуем другую судьбу для себя
и для вас.

В этом мире прозрачнее воды
и небо светлее,
Там не слышен тяжелых орудий
раскатистый вой,
Там очаг поутру польхает,
а вовсе не тлеет,
А*ще... что скрывать, там
она остается живой.

Там царят ее темные, полев
пропахшие косы.
Там улыбка ее никогда не стирается с губ,
А глаза так по-детски наивны,
туманны, раскосы,
Что я каждый их взгляд жемчугами
в груди берегу.

Там не будет ни боли, ни страха,
ни ложных препятствий.
Каждый день там похож
на придуманный древними рай.
Там ее не хватают за тонкие кости
запятий,
Не ведут за околицу вместе
с семьей умирать.

Там не нужно возмездием греть
одряхлевшее сердце.
Грابتь память свою,
как на пенсию вышедший вор...
Ну а здесь, в кабаке, у стены
невзыскательно серой

Я который уж год с этой кружкой
сижу для того,

Чтобы злобой из мойр
не позволить отбросить катушку
И сказать, будто жизнь исчерпалась,
как бочечный квас.
Я миры создаю в этой грязной дрянной
комнатухе.
Я рисую другую судьбу для себя
и для вас.

Русалочка

Все было очень просто и знакомо:
Корабль, дробящий искры по волне,
И голос твой, ввергающий в истому,
И силуэт, давным-давно искомый
Тобой - но не разысканный на дне.

И шторм. И остров. Легких губ касанье -
Как бриза выдох, как волшебный сон.
А искры закланнаний заплясаи.
Дав ноги и похитив голосок...

Тебе казалось - все пройдет по маслу,
И станет жизнь, что тлела, как свеча,
Звеньящей, легкомысленной
и страстной, -
Как голос твой, который отзвучал.

Но все не так, и комом стынут в горле
Несальпимые принципами слова:
А как без слов достигнешь - берегов ли
Иных земель, морей, портов ли, гор ли,
Когда и ходишь-то едва-едва?

И каждый день твои обиды множит,
Топя тебя в усмешках и словах:
«На кой вам черт божественные ножки,
Раз вы на них не в снах танцевать?!»
«На кой вам черт божественные ножки,
Раз вы их не даете целовать?!»
«На кой вам черт...»

А тем, кто может лопотать, награда:
Алтарь и дом их розами увит.
А ты - живешь, хотя сама не рада:
Сейчас не умирают без любви.

Потом тебя кому-то станет жалко:
Шуту, пажу - ошибка не строга, -
И та, что столь была до жизни жадной,
Останется безмолвно служанкой
С горящей кожей на больных ногах.

И будет день, на сто иных похожий...
Тарелки убирая со стола.
Ты вдруг почувствуешь горячей кожей:
Колдунья-то тебя обобрала.

Ты все поймешь. Но не вопьешься
в горло.
Стань пеной, пылью, телом каменной:
Ведь отнимают душу, а не голос.
А голос сам уходит вслед за ней.